

Сказать, что император три месяца не появлялся при дворе, было не совсем точно. В середине третьего месяца он действительно тяжело заболел, но каждый день всё равно засыпал, положив рядом книги и одежду, оставшиеся после главы Сытяньцзяня. А проснувшись, снова и снова внимательно изучал чертежи подводной гробницы.

Эту гробницу глава Сытяньцзяня купил миру ценой собственной жизни. Император не позволил бы допустить ни единой ошибки.

Он знал каждый поворот и каждый угол настолько хорошо, что мог бы выбраться из гробницы с закрытыми глазами.

Наконец строительство завершилось, и император, едва держась на ногах из-за болезни, лично отправился туда. Он прошёл все коридоры и помещения, спроектированные главой Сытяньцзяня, но в самом центре неожиданно обнаружил просторную погребальную камеру, которой не было на чертежах.

Император инстинктивно посмотрел на человека, отвечавшего за строительство. Тот объяснил:

— Это помещение велел построить сам господин глава Сытяньцзяня. Он сказал... когда всё будет готово, перенести сюда его тело. Так оно тоже сможет хоть немного помогать подавлению.

Император долго молча смотрел на камеру, а затем взгляд остановился на чёрном гробу в центре.

— Встань. Остальное выполнено хорошо. Только гроб маловат.

В нём не хватало места, чтобы они с главой Сытяньцзяня лежали вместе.

Строитель уловил смысл и поспешно спросил:

— Тогда прикажете сейчас же заменить его двойным?

— Не нужно делать ничего слишком броского. Обычного деревянного гроба достаточно, — тихо сказал император.

Пусть хотя бы в следующей жизни они оба станут обычными людьми, не будут нести такую тяжёлую ношу и смогут прожить вместе до конца.

После возвращения с подводной гробницы последняя нить, на которой держалась его воля, словно оборвалась. Император вскоре снова тяжело заболел. Он постоянно спал, путал мысли, часто не понимал, находится во сне или наяву, и всё время думал, будто глава Сытяньцзяня всё

ещё рядом. Он говорил, что нужно приказать дворцовой кухне придумать новые блюда — тогда удастся заманить главу Сытяньцзяня во дворец и заставить побыть с ним.

Придворных лекарей вызывали снова и снова, но каждый раз они только качали головами и ничего не могли сделать.

Сердечную болезнь лечит лишь лекарство для сердца.

Но лекарство, которое требовалось императору...

Однажды он неожиданно перестал быть спутанным и вспомнил, как глава Сытяньцзяня когда-то говорил, что один маленький храм за пределами столицы особенно хорошо исполняет молитвы о любви и браке.

Храм стоял высоко в горах. Чтобы подняться туда, нужно было преодолеть несколько тысяч ступеней.

Лекари и евнухи изо всех сил отговаривали императора, но изменить его решение не смогли.

Он приказал мастеру вырезать пару подвесок из зелёного нефрита и, взяв их с собой, поволок почти угасшее тело по тысячам ступеней. К тому времени, когда он опустился на колени перед статуей божества, лицо уже стало белым как бумага. Император положил подвески на алтарь и попросил о встрече в следующей жизни.

Он долго стоял на коленях. Когда наконец поднялся, всё тело дрожало. Вдруг он посмотрел к храмовым воротам.

Стоял тёплый третий месяц. Вокруг пышно цвели цветы. В тумане болезни ему показалось, будто под абрикосовым деревом он увидел знакомые ясные миндалевидные глаза. Не думая ни о чём, император схватил подвески и бросился к тому человеку.

Шаг. Второй... Он обнял юношу и привязал одну подвеску к его поясу.

А затем удовлетворённо закрыл глаза.

Раздался чистый звон: две нефритовые подвески одновременно упали на землю.

Стражники в панике бросились вперёд. Пока они не смотрели, прозрачная рука подняла обе подвески: одну осторожно привязала к поясу императора, вторую — к своему.

В храме Единого сердца крайне мало кому действительно удавалось получить Подвеску

единого сердца. Людские сердца переменчивы, а любовь — тем более непостоянная вещь.

Душа главы Сытяньцзяня стояла под абрикосовым деревом. Он молча посмотрел на благословлённую Подвеску единого сердца в руке и встретился взглядом с медленно поднимавшейся душой императора.

— Так это был не сон... — пробормотал император.

— Увидимся в следующей жизни, — на чистом красивом лице главы Сытяньцзяня появилась лёгкая улыбка, и он внезапно исчез.

*

— Ты знаешь, что пошёл против Небесной воли и тысячу лет не сможешь переродиться? Тебя ждёт тысяча лет мучений в аду. Зачем тогда ты солгал ему, что встретитесь в следующей жизни? — высокий чиновник Подземного мира опустил взгляд на бледную прозрачную душу перед собой.

— Если бы я сказал правду, он наверняка захотел бы отправиться в ад вместе со мной. Купи одного — получи второго бесплатно. Совершенно убыточная сделка, — ответил глава Сытяньцзяня и достал из рукава кувшин вина. — И спасибо господину чиновнику, что на этот раз закрыл глаза и помог временно скрыть... что выпустил меня увидеться с ним в последний раз.

Чиновник без всяких церемоний взял вино и сделал большой глоток:

— Я помог ради этого вина. И ради того случая, когда ты помог Подземному миру поймать сотню духов.

Тогда сотня духов сбилась вместе, сбежала в императорскую столицу и устроила там беспорядки. Подчинённые посланники никак не могли с ними справиться. И именно в этот момент туда пришёл юный глава Сытяньцзяня. Не прошло и получаса, как он собрал всю сотню в носимый с собой фиолетово-золотой сосуд и избавил чиновника от огромной головной боли.

Разумеется, чиновник помнил редкого гения, который одним махом снял с него целую гору дел среди бесконечной бумажной работы.

Позже глава Сытяньцзяня попал в Подземный мир. Узнав, что именно он сделал, чиновник тоже проникся уважением. Поэтому такая мелочь, как ненадолго сбежать из ада, — помочь было нетрудно.

*

Тысячу лет спустя, в аду Подземного мира.

— Тысяча лет заключения закончилась. Скоро ты сможешь выйти и отправиться на перерождение. Но в последнее время злые духи сильно беспокоятся, между небом и землёй, похоже, назревает большое бедствие... Если переродишься сейчас, спокойной жизни опять не увидишь, — чиновник Подземного мира смотрел на главу Сытяньцзяня. Тысяча лет ада ни капли не изменила его ясный и твёрдый взгляд.

— Тогда сделаю расчёт, — сказал глава Сытяньцзяня и протянул чиновнику руку.

Чиновник: ?

— Одолжи три монеты.

За тысячу лет в Подземном мире о нём давно никто из живых не помнил. Денег у него, естественно, не было.

Чиновник:

— ...

Он протянул три монеты.

— Кстати. Ты разгневал Небесный путь. Даже после окончания тысячелетнего срока судьба при перерождении наверняка останется повреждённой. Будешь законченным невезучим. И бедняком... — чиновник одним дыханием перечислял все возможные несчастья несколько минут подряд.

Глава Сытяньцзяня слушал с выражением «...», не прекращая дела. Он встряхнул три монеты, высыпал их на стол и медленно произнёс:

— Когда я буду ребёнком, в мире людей произойдёт великое бедствие. Подожди... В конце концов оно будет разрешено. Тогда всё в порядке, до взрослого возраста должен дожить.

— Только с такой удачей я, боюсь, до совершеннолетия всё-таки... — он намеренно растянул фразу, словно ждал, что кто-то её подхватит.

Чиновник общался с ним тысячу лет и молча закатил глаза:

— Хорошо, хорошо. Тогда я на время обману Небесный путь, превращусь в человека, найду тебя и выращу. Заодно схожу в нынешний человеческий Сытяньцзянь, заранее создам тебе

репутацию, чтобы потом никто не спорил с твоими приказами. Как раз станешь мне внуком и вернёшь долг за всю еду и выпивку, на которые разводил меня эту тысячу лет.

Ясные глаза главы Сытяньцзяня посмотрели на него:

— Спасибо. И ещё одно...

— Твой маленький муж-император, да? Он уже много раз перерождался, и каждый раз, возвращаясь сюда, устраивал мне скандал и требовал отдать тебя. Достал хуже некуда. В этот раз я немного отложил его перерождение. Он будет всего на несколько лет старше тебя.

Через несколько дней на свет появился слабый ребёнок. Вскоре его выбросили умирать среди снега и льда.

И именно в тот день его нашёл худой старик в потрёпанной одежде, дал имя Ци Гу и забрал с собой в храм Фуай на горе Фуай.

— Эй, паршивец, ну-ка назови меня дедушкой? — чиновник Подземного мира, превратившийся в человека, неловко держал на руках хрупкого мягкого младенца. Голос звучал недружелюбно, но движения были предельно осторожны.

Следующие годы он одну за другой заново собирал книги, которыми когда-то владел глава Сытяньцзяня, и возвращал их Ци Гу, чтобы тот учился.

Только книгу под названием «Записки об освобождении от тела», указанную в списке, чиновник так и не сумел найти.

*

В тёмной погребальной камере миндалевидные глаза и персиковые глаза резко встретились.

Линь Ханьчжи и Ци Гу почти одновременно воскликнули:

— «Записки об освобождении от тела»!

Затем одновременно посмотрели на тяжёлые литые железные ворота за погребальной камерой. Теперь оба уже догадывались, что именно может скрываться там.

При жизни император, исполняя просьбу главы Сытяньцзяня, передал «Записки об освобождении от тела» одному из сильнейших мистических родов той эпохи.

Главу этого рода звали Линь Юань.

Ветка мистического рода Линь Юаня отличалась выдающимися способностями и просуществовала тысячу лет до наших дней.

Имя Линь Юаня было записано в родословной Линь Ханьчжи!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949254>